

въ своего отношенія къ ней, онъ человекъ, раньше, чѣмъ ученый, онъ легко избѣгаетъ ошибокъ, которыхъ ученымъ бываетъ трудно избѣжать. Въ исторіи искусства, даже вопросы именно исторіи лучше разбираетъ тотъ, кто предпочитаетъ исторіи искусство. Вотъ почему въ книгѣ Муратова, если и не все доведено до конца, то всѣ концы могутъ быть сведены съ концами; если не во все даетъ себѣ авторъ трудъ достаточно углубиться, то во всемъ онъ находитъ именно ту дорогу, которая ведетъ вглубь.

В. В.

Е. Скобцова. Жатва духа. Выпуски I — II Paris, YMCA-Press.

Эти маленькія, изящныя книжечки — опытъ агиографіи легендарной. Е. Скобцова не хочетъ писать исторію. Въ древнихъ паперникахъ и Четы-Минеяхъ она ищетъ не исторически правдивыхъ, а религиозно и художественно значительныхъ легендъ, которыя могутъ говорить современной душѣ. Авторъ примыкаетъ къ почтенной традиціи русской литературы, представленной именами Лѣскова, Кузьмина и Ремизова. Эти имена сами по себѣ говорятъ уже объ опасностяхъ, угрожающихъ современному сказателю легендъ. Полная неудача Александрійскихъ легендъ Лѣскова заключалась въ ихъ безстильности (Александрія сквозь Мюнхенъ). Кузьминъ превращалъ легенду въ сладостный и пряный фруктъ. Ремизовъ всегда остается Ремизовымъ, и старыя сказанія всегда для него лишь сюжетный сырой материалъ. Е. Скобцова скромнѣе. Она не ставитъ особыхъ художественныхъ задачъ, но прорабатываетъ стилистически житійныя страницы. Онѣ читаются съ пріятностью, но безъ всякихъ привходящихъ вкусовыхъ ощущеній. Въ этой скромности ея заслуга.

Что заслуживаетъ быть отмѣченнымъ, такъ это принципъ отбора, руководившій авторомъ Е. Скобцова не взяла ни одной мученической и ни одной аскетической легенды, которыя преобладаютъ въ Четырехъ-Минеяхъ. Ея восемь сказаній являются находкой, плодомъ определенныхъ поисковъ. Она ищетъ рѣдкаго, и это рѣдкое объединено одной идеей. Всѣ ея житія написаны на темѣ любви къ человеку, — любви безпредѣльной, парадоксальной, доходящей иной разъ до особаго юродства — юродства любви. Ея подвижники уходятъ изъ пустыни въ притоны городовъ, чтобы спасти падшихъ женщинъ, продающихъ себя въ рабство, чтобы служить спасенію душъ. Вольная пищета и вольное униженіе — формы любви, придающія ей особый характеръ несхожденія (богословски: кенозисъ). Самымъ парадоксальнымъ является принятіе на себя чужого грѣха — лично («Іоанникій Великій») или коллективное («Единодушные братья»). Принятіе грѣха — означаетъ принятіе его послѣдствій вплоть до мучительнаго помраченія и тяжести души. У многихъ читателей эти страницы Е. Скобцовой вызовутъ сомнѣнія: не сочиняетъ ли здѣсь она свои легенды? Сравненіе ихъ съ церковными источниками автора показываетъ, конечно, беллетристическое развитіе темы, истолкованіе ея, но, въ главномъ, тема

передается правильно. Мы удивляемся, что до сих пор проходили мимо этих поисковъ въ старыхъ книгахъ и не сътуемъ на «тенденціозность» отбора, подарившаго намъ столь рѣдкія жемчужины.

Русскій читатель — не послѣ-военнаго поколѣнія — безъ труда узнаетъ въ этомъ отборѣ черты лица стараго народничества. Для духовной генеалогіи русскаго народничества находки Е. Скобцовой чрезвычайно цѣнны. Уже давно говорятъ о религіозныхъ корняхъ народничества. Но эта благодарная тема все еще ждетъ изслѣдователя. Е. Скобцова своей «Жатвой духа» бросаетъ лучъ свѣта въ эту темную область: связей древне-русской религіозной души съ «безбожными» теченіями русской интеллигенціи.

Г. Ф.—въ.